13. Моджахеды Татарстана признали своим лидером Доку Умарова // Тема Казань: интернет-сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://www.tema-kazan.ru/news/crime/item/4819/.

14. Гордеев Я. На пороховой бочке: откуда в Поволжье террористы // Новое время: Интернет-сайт. [Электронный ресурс]. URL: http://newtimes. ru/articles/detail/43421.

15. Гарсиа Р. Волга впадает в Аравийское море: маленький оплот религиозного экстремизма в Татарстане // Эксперт. 2012. 15 октября.

16. Мурклинская Г.А. Сетевая война против России на Северном Кавказе: реальность и перспективы // Исламский фактор на Юге России / Южнороссийское обозрение. Вып. 72. Ростов н/Д: Социально-гуманитарные знания, 2012. С. 22-33.

17. Мальцев В. Ислам зачищают от нелегалов. Государство расширяет силовую поддержку официального духовенства // НГ-Религии. 2013. 20 февр.

18. Омарова Х. Республика Дагестан: системный кризис разрастается? // [Электронный ресурс]. URL : http://www.bs-kavkaz.

19. См. об этом: [Электронный ресурс]. URL: http://www.regnum.ru/news/polit/1616981.html.

20. Добаев И.П. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 4. С. 50-56.

УДК 323.1:316+327.39

Кашаф Ш. Р.

Политические элиты мусульманских регионов как акторы дискурсивной борьбы за идентичность

Формирование гражданской идентичности в многонациональной и многоконфессиональной России представляет собой чрезвычайно актуальную и острую тему. Включение в дискурс национальной идентичности диспозиций активистов мусульманского сообщества придает вопросам строительства гражданской нации политически нагруженные коннотации, связанные с «борьбой за идентичность» в мусульманских регионах.

Ключевые слова: ислам, идентичность, политика идентичности, политическая (гражданская) нация, политический дискурс.

Сбережение и сохранение народов всегда было уделом Российского государства, веками формировавшегося как многонародное сообщество, где системообразующая роль принадлежала русскому этносу как наиболее многочисленному, культурно и экономически развитому. В новой и новейшей истории в какой-то мере пример России сопоставим со строительством государств Северной Америки — США и Канады, которые при всей своей мощи сталкиваются с аналогичными проблемами. Конструирование национальной идентичности в мусульманских регионах новой России проходит в условиях радикальной борьбы, когда этническая и конфессиональная идентичности соперничают между собой как дискурсивные конструкты за групповую идентич-

ность общности и составляющих ее индивидов. А это серьезно отодвигает перспективы успешного осуществления проекта нациестроительства в России.

Утверждение коллективных идентичностей происходит под влиянием целого ряда факторов. Они определяются и переопределяются как в результате стихийных изменений в массовом сознании под влиянием социально-экономических и социокультурных деформаций, способных рефлексивно активизировать такие «традиционные» формы коллективной самоидентификации, как религиозная, национальная и цивилизационная, а также опосредуются действиями государства и политической элиты, сознательно проводимой ими политики идентичности. Согласно А. Х. Тлеужу, конструирование коллективной идентичности следует рассматривать и как стихийный процесс изменений стереотипов массового сознания под влиянием меняющихся исторических обстоятельств, и как результат смыслотворческой, идеологической и пропагандистской деятельности элит [1, с. 20].

На протяжении многих столетий мусульманские народы[1] объективно участвуют в формировании, культивировании и транслировании во времени и пространстве национально-цивилизационных ориентиров и значимых для коллективной самоидентификации культурных и социально-политических смыслов и ценностей. Идентифицируя себя с Русским государством и российской цивилизационной общностью, российские мусульмане веками "сохраняли и свою исламскую идентификацию, позволяющую обрести культурно-религиозную индивидуальность в инокультурной (русской) и инорелигиозной среде" [2, с. 289]. В литературе понятие «российские (русские) мусульмане» часто трактуется как некий социум, который не тождественен исповеданию ислама, а шире: мусульмане — это народ со своей религией [3, с. 5].

Отмечаемый на современном этапе рост коммуникативной активности в публичной сфере гражданских и религиозных активистов мусульманского сообщества, рассматривающих дискурсивное пространство как площадку конкурентной "борьбы идентичностей" с доминирующими группами, эксплицитно выраженной в формулировке председателя Совета муфтиев России Р. Гайнутдина "Ислам — это религия не пришельцев, не мигрантов, а коренных россиян" [4], не может не преследовать очевидную цель — "оплодотворить" российскую политику идентичности исламскими ценностями, оценить ее с позиций исламских принципов и добиться участия автохтонного мусульманского сообщества в качестве равноположенного субъекта строительства российской нации, в достижении национального согласия и единства. Соответствующую рефлексию российского мусульманства мы обнаруживаем в дискурсивных практиках акторов мусульманского сообщества, являющихся агентами дискурсивного конструирования и продвижения «вооб-

[1] Под "мусульманскими народами" подразумеваются определенные этносы, традиционно принадлежавшие к исторически сложившемуся ареалу исламской цивилизации на территории Российского государства.

ражаемых религиозных сообществ»[1] среди носителей мусульманской идентичности и в российской публичной сфере [6, с. 345].

Так, Президент Татарстана Р. Н. Минниханов признает за исламом один из ведущих факторов «формирования общечеловеческих ценностей, идей гуманизма и толерантного взаимодействия различных народов на территории Республики Татарстан и всей Российской Федерации» [7]. Однако Татарстан, по убеждению Р. Минниханова, не может быть привержен только исламу: “Мы многоконфессиональная республика и должны уважать любую конфессию” [8]. Принцип межконфессионального уважения, основывающийся на вековой традиции уникального исторического опыта сосуществования цивилизаций (по Л. Н. Гумилеву, «этнической комплиментарности» [9]), когда на единой территории России ислам и православие “столетиями всегда находили общий язык, и, слава Богу, у нас это есть”, в понимании главы республики, неотделим от принципов религиозного плюрализма и равенства между приверженцами иных религий. “Мы должны создавать равные условия для любой конфессии. Надо уважать друг друга» [8]. Вне поля общественной толерантности оказываются лишь те “люди, которые не хотят в этой стране жить и хотят, чтобы был перекос в ту или другую сторону”. С этими проявлениями, убежден глава Татарстана, “надо жестко бороться законными способами”. Такой отпор, по его мнению, следует давать тем, кто “проповедуют насилие, чуждую нам идеологию” [там же].

Касаясь деликатной темы религиозных чувств, Р. Минниханов в своих публичных речах, по сути, предлагает воздерживаться от излишней религиозной демонстративности, поскольку “вера, она внутри человека”. “Верующий человек, – разъясняет он свою позицию по данному вопросу, — никогда не будет заявлять о своей вере, он это делает шепотом и нигде не показывает. Если человек демонстрирует всем, сколько раз в день он молится или уразу держит – это не вера” [там же].

Заметим, что сам Р. Минниханов в течение последних лет, в публичном прстранстве во всяком случае, поддерживает имидж соблюдающего мусульманина, участвуя в коллективных богослужениях и молитвах (намазах). В марте 2013 г. он совершил умру (так называемый «малый хадж») в Мекку. Совершение паломничества к исламским святыням в Королевство Саудовской Аравии высшей элитой Поволжья было положено еще первым президентом Татарстана М. Ш. Шаймиевым в 2006 г. Президент Башкортостана Р. Хамитов совершил умру в марте 2011 г. Р. Минниханов стал очередным главой мусульманского региона РФ, оказавшимся в центре исламского мира.

[1] Термин «воображаемое сообщество» (imagined community), применённый Б. Андерсоном для описания национальных сообществ, имеет инструментальную ценность для описания религиозного и политического сообщества. «Оно воображённое», поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время, как в умах каждого из них живёт образ их общности» [5, с. 21].

Вместе с ним главную мечеть мусульман – Масджид-аль-Харам в Мекке посетили и также исполнили паломнические ритуалы мэр Казани И. Метшин, председатель Торгово-промышленной палаты РТ Ш. Агеев, руководитель Агентства инвестиционного развития Л. Якупов, председатель правления «Ак Барс банка» Р. Миннегалиев, помощник Президента РТ по международным вопросам Р. Гиматдинов [10], принадлежащие к новому поколению постсоветского истеблишмента.

По исламской традиции, к правоверному мусульманину, вернувшемуся из хаджа, окружающие могут уважительно обращаться, прибавляя слово «хаджи» к его имени. И все же Минниханов полагает, что "религия – это сугубо личный вопрос". "Моя религия – она только для меня. И государство должно создать условия для верующих людей, но не для тех, кто флагами размахивает" [8]. Самоидентифицируясь с "нашим традиционным исламом", Минниханов, уже как светский политик, выступает против того, чтобы какая-либо из религий политизировалась и призывала под знамена борьбы приверженцев тех или иных конфессий. Также, как он выступает и против политизации этнической идентичности, считая, что в России – многонациональной стране "любая нация может себя проявить" [там же].

С несравнимо большей религиозной окрашенностью предстает в публичной сфере дискурсивная позиция Главы Чеченской Республики Р. А. Кадырова, являвшегося в 1996–2000 гг. помощником муфтия Чеченской Республики. Так, руководитель республики Р. А. Кадыров во время своей встречи в марте 2012 г. с членами Парламента ЧР заявил: «Для нас ориентиром должны быть только три главных свода правил – каноны Ислама, законы нашего государства и вековые адаты[1] чеченского народа» [12]. Именно в такой последовательности руководитель одного из северокавказских субъектов России перечисляет ориентиры, которыми должны руководствоваться не только представители законодательной власти в ЧР, но и избиратели. «В их соблюдении и лежит предназначение истинного чеченца», – уточняет Р. Кадыров.

Сын муфтия и первого президента Чечни А. Кадырова, глава ЧР Р. Кадыров в своих публичных выступлениях настойчиво подчеркивает, что в Чечне отсутствует насильная исламизация, но почти 90 процентов населения исповедуют традиционный ислам и чтут религиозные традиции [13]. "В Чечне есть и будет Ислам, который руководствуется Кораном, Сунной Пророка (с. а. с) и тарикатом, – заявляет Р. Кадыров, ссылаясь на волю чеченских али-

[1] В мусульманском мире принято различать две стороны его исламской составляющей – собственно религиозную и мирскую. Первая группа правил шариата (по исламской терминологии – «фикха») сводится к исламскому культу – религиозным институтам, нормам и поведению мусульман как верующих. Её принято называть «ибадат». Вторая (адат и муамалат) включает вопросы и нормы, носящие мирской характер, но ориентирующиеся на исламские критерии и определяющиеся ими: основы организации власти, правосудия, экономической жизни и т. д. [11, с. 53–54].

мов[1] и своего народа, в интервью грозненской молодежной газете. При этом политиком в его комментарий, касающийся внутриконфессиональной борьбы с новоявленными течениями на Северном Кавказа (ваххабизм), "вплетается" мифологема прошлого противостояния чеченской нации своим врагам – и по линии государственной независимости, и по религиозным основаниям. "Нас не надо учить, как молиться, ибо наш народ при любых жесточайших репрессиях и разрушительных войнах сохранил свою веру в чистом виде. За веру погибали наши прадеды, деды и отцы" [14].

Каким образом ваххабитские группы, действующие в настоящее время в том числе на территории Чеченской Республики и вовлекающие молодежь в свои организации и мусульманские общины (джамааты), повинны в имевших место в прошлом "жесточайших репрессиях и разрушительных войнах", Р. Кадыров не уточняет. Во избежание нежелательных аллюзий Кадыров, участвовавший в период Первой чеченской войны (1994–1996 гг.) в боевых действиях против федеральных войск и перешедший во время Второй чеченской войны на сторону федерального правительства, развивает для молодежной аудитории важный объединительный тезис о невозможности существования Чечни отдельно от современной России. "Россия – моя Родина. Жить отдельно вне России мы не хотим, этого не хочет весь чеченский народ. И шутить с выбором нашего народа мы никому не позволим", – заявляет Кадыров [там же].

В большинстве других публичных выступлений главы Чечни Р. Кадырова, которые были проанализированы нами по источникам СМИ, также содержится констатация признания в настоящее время исламской религии одним из легитимных факторов общественной политической жизни республики, влияющим на ценностные и идентификационные доминанты населения.

Как следует из текста резолюции участников V Международного миротворческого форума «Ислам – религия мира и созидания», состоявшегося 25–26 мая 2013 г. в г. Грозном, государственная власть обращается к основополагающим принципам и ценностям Ислама, чтобы подчеркнуть свою конфессиональную идентичность.

Наличие общей религии не обязательно для сохранения этнической общности, для этого порой достаточно наличия всего лишь самосознания. Но для образования общегражданской нации, надэтнической и надконфессиональной, наличие государственности является обязательным условием. Нация – это политическая общность, которая в силу наличия у нее своего политического характера более других общностей предрасположена к ассимиляции своих членов. В ней, как утверждает М. Вебер, формируются и политическая мощь, и политическая страсть.

[1] Алим – ученый-богослов, обладающий знанием Корана, Сунны и комментариев к ним, арабского языка и исламской истории, а иногда и знаниями из других областей.

В таких субъектах РФ, как Республика Татарстан, Республика Башкортостан, в меньшей степени – в республиках Северного Кавказа, этническая идентичность не противостоит общероссийской государственно-гражданской общности. На это указывают результаты последних социологических опросов. В частности, определение российской идентичности как государственно-гражданской подтверждают результаты проведенного в 2011-2012 гг. Центром исследования межнациональных отношений Института социологии РАН вместе с учеными из Башкортостана, Саха (Якутии) и Татарстана межреспубликанского исследовательского проекта «Гражданская, региональная и этническая идентичность и проблемы интеграции российского общества».

Социологи, задававшие населению РТ вопрос «что Вас объединяет с людьми Вашей национальности?», получили следующие ответы: и русские, и татары называли прежде всего язык, культуру (70–82%), религию (43–54%), а государство всего (35–34%). «В российской же идентичности, – уточняет Л. М. Дробижева, выступившая руководителем исследований, – главным интегратором является государство». Не случайно его отнесли к объединяющим факторам более 80% опрошенных.

Для татарстанцев значимую роль играют символы и территории (57–58%), их объединяет прошлое (44–45%). Но вот такой важный для гражданственности индикатор, как ответственность за дела в своей стране, назвали 34–38% татар и русских [15, с. 25].

Представляет интерес сопоставление данных об основаниях этнической идентичности с ответами об основаниях общероссийской идентичности, полученных в Башкортостане. Здесь у башкир, русских и татар также на первый план выходит общее государство (81,6–73,9–73,4%), родная земля (59,5–52,2–54,9%), и общие символы (флаг, герб, обычаи, праздники), связанные с государственной обрядностью (56,1–51,3–49,7%). Это позволяет сделать вывод о ведущей роли государственного начала в общероссийской идентичности. Среди респондентов в РБ «ответственность за судьбу страны» как объединяющий со всеми россиянами фактор назвали только 38,0–40,0–33,0% башкир, татар и русских [16, с. 43–44].

Опросы группы этносоциологов Института социально-политических исследований в республиках Северо-Кавказского федерального округа РФ, проведенные в 2006 г. под руководством Х. В. Дзуцева, также дают представление о том, в какой мере жители СКФО РФ, включая носителей мусульманской идентичности, ощущают себя гражданами Российской Федерации. В таблице 1 отражены полученные в ходе опроса населения результаты.

Таблица 1

Если говорить в целом, вы чувствуете себя гражданином Российской Федерации? (в%)

	РА	КБР	КЧР	РД	РИ	РСО-А	ЧР
Безусловно, да	63,4	51,5	69,0	48,1	40,9	59,7	40,4
Скорее да, чем нет	22,5	34,0	21,4	25,1	28,3	22,1	35,7
Скорее нет, чем да	7,7	10,2	4,2	9,3	13,4	8,6	11,4
Безусловно, нет	3,0	1,7	1,2	3,8	7,9	1,3	4,8
Затрудняюсь ответить	3,4	2,6	4,2	13,7	9,4	8,3	7,7
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Социологический опрос в Северо-Кавказском федеральном округе РФ, июнь 2006 г. Общий объем выборки: 2100 респондентов (по 300 чел. в каждой республике). Допустимая погрешность не превышает 1,4% [30, с. 27].

Примечание: РА – Республика Адыгея, КБР – Республика Кабардино-Балкария, КЧР – Республика Карачаево-Черкесия, РД – Республика Дагестан, РИ – Республика Ингушетия, РСО-А – Республика Северная Осетия-Алания, ЧР– Чеченская Республика.

Обобщая данные, полученные в основных мусульманских регионах Урало-Поволжья и Северного Кавказа, можно отметить, что за период демократических преобразований в полиэтничной и многоконфессиональной России выработались традиции, позволяющие преодолевать сложности этнокультурного и этноконфессионального развития ее народов в их взаимодействии. С точки зрения Л. М. Дробижевой, отказаться от собственного, с трудом приобретенного опыта – «только осложнить этнополитическую ситуацию и процессы общенациональной, гражданской консолидации» [18]. За корректной формулировкой известного специалиста в сфере национальных вопросов стоит между тем вполне реальное предупреждение национал-патриотам и радикальным демократам, которые, как выразился А. Капеллер, упорно придерживаются принципов большинства и игнорируют в своей концепции демократии защиту меньшинств, чем способствуют конфликтам точно так же, как и бескомпромиссные приверженцы этнонационального принципа [19, с. 22].

Есть и еще одно обстоятельство, которое с политико-исторической точки зрения требует осторожного подхода при отождествлении российских этносов с «российской нацией». Оно состоит в том, что почти все населяющие страну народы обладают своей исторической родиной с собственным развитым языком и культурой, сложившейся социальной структурой и определенной политической автономией. За редким исключением всех их можно назвать нациями в том значении, как они описываются у М. Хроха [20]. У каждого народа к тому же существует собственная история и своя историческая память. И когда наступают социальные катастрофы или иные кризисные моменты развития общества, когда деградируют и распадаются большие

социальные общности, из которых, по выражению С. Г. Кара-Мурзы, и складывается «тело» нации [21], в сознании этноса происходит рост национального самосознания и самоидентичности. В итоге это может подтолкнуть его к центробежным эффектам и сецессии. Само по себе неудивительно, что люди начинают вспоминать этническое прошлое, а вместе с этим «замыкаться национальной жизнью» и интересами республики, опасность кроется в том, что «в своей динамике этот процесс создает почву для возникновения конфликтных ситуаций между титульной нацией и национальными меньшинствами страны, приводящих к развитию национализма, с одной, и национального экстремизма — с другой стороны» [22, с. 163].

Современные представления российской власти о необходимости и возможности утверждения в государстве надэтнической формы общероссийского самосознания, не исключающего другие формы коллективной идентичности и солидарности, нашли соответствующее политико-правовое отражение в подготовленной в 2012 г. по Указу Президента РФ Стратеги государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Согласно нее формирование гражданской нации должно происходить при сохранении этнического (193 национальности[1]) и религиозного разнообразия (свыше 70 религиозных течений) ее населения. «Многообразие национального (этнического) состава и религиозной принадлежности населения России, – говорится в Стратегии, – исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, сохранение и развитие традиций проживающих на ее территории народов являются общим достоянием российской нации, служат фактором укрепления российской государственности, определяют состояние и позитивный вектор дальнейшего развития межнациональных отношений в Российской Федерации» [23].

Восстановилась связь времен: в новой российской идентичности, которая все еще чрезвычайно дифференцирована и неустойчива, присутствует и досоветский пласт исторической памяти, когда государство именовалось не СССР, а Россия. Дискурс же этнокультурной и этноконфессиональной проблематики, вплетенный в современную политическую ткань, является следствием не только драматических и катастрофических событий, пережитых страной в досоветский и постсоветский период, но и феноменального возвращения в политику социокультурной доминанты, легитимирующей определенные политические практики. Как справедливо резюмирует политолог М. М. Мчедлова, «политическое оказывается политическим путем приписывания ему религиозных или этнических значений, элиминация этнической проблематики из осмысления происходящих политических процессов невозможна» [24, с. 102].

Таким образом, формирование российской нации, как нам представляется, должно проходить на условиях включения в ее сложную структуру

[1] По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, сформированным на основе самоопределения граждан.

элементов гражданско-территориальной и этнокультурной общности. В современной ситуации, характеризующейся сложным многосоставным характером страны, признание сохранение ее этнокультурного и религиозного многообразия выступает важным фактором укрепления российской государственности, прочность которой достигается также через межкультурное и межрелигиозное взаимодействие. Из понятия «мы – россияне», которое сегодня активно утверждается и переопределяется в пространстве публичной сферы как коммуникативный конструкт, имеющий дискурсивную природу, формируемый в ходе «борьбы за идентичность», не могут элиминироваться существующие в стране коллективные идентичности, фундированные общими духовными ценностями.

По нашему мнению, политика идентичности в стране в состоянии выработать адекватные возникающим историческим вызовам концептуальные подходы. В России, пожалуй, как нигде в другом государстве, она должна быть многосубъектной и релевантной накопленному уникальному опыту создания и развития одного из крупнейших полиэтнических и поликонфессиональных государственных образований мира. И хотя формированию политической (гражданской) нации могут серьезно противостоять дискурсивные позиции в отдельных титульных республиках, где признание нации конструируется как согражданство только в рамках своей республики, от политических и символических элит мусульманского сообщества будет многое зависеть, как скоро известная формула нации как граждан, объединившихся в государственную общность независимо от этнического и конфессионального происхождения окажется принятой россиянами в масштабах всей страны.

Литература

1. Тлеуж А. Х. Конструирование российской коллективной идентичности: социально-философский анализ: Автореф. дис. докт. филос. наук: 09.00.11. Ростов н/Д., 2011.

2. Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Русские мусульмане в поле Российской идентичности // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М. : Институт социологии РАН, 2008. С. 289-303.

3. Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.) 2-е изд., испр. и доп. М.: Социально-политическая мысль, 2004.

4. Ислам – религия коренных россиян [Глава Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин об уникальном положении мусульман в России] // Коммерсант. 2011. 18 февраля.

5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

6. Ходжаева Е, Шумилова Е. «Кто такой верующий?»: повседневные типизации своих и чужих в православном и мусульманском дискурсах (на примере Казани) // Конфессия, империя, нация: Религия и проблема разнообразия в истории постсоветского пространства / под ред. И. Герасимова, М. Могильнер, А. Семенова. М.: Новое издательство, 2012. С. 345-374.

7. Минниханов Р. Н. Приветствие Президента Республики Татарстан по случаю Дня официального принятия Ислама Волжской Булгарией // Президент Республики Татарстан : официальный сайт. 2012. 20 мая. URL: http://president.tatarstan.ru/news/view/113273?highlight=ислам.

8. Минниханов Р.: «Россия - многонациональная страна, где любая нация может себя проявить» [Президент РТ встретился с руководителями республиканских СМИ] // ИА Татар-информ. 2013. 24 января.

9. Гумилев Л. Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. СПб. : Юна, 1992. — 272 с.

10. Президент Татарстана посетил Мекку // Казань: официальный сайт мэрии Казани. 2013. 16 марта. URL: http://www.kzn.ru/news/38802-prezident-tatarstana-posetil-mekku.

11. Сюкияйнен Л. Р. Глобализация и мусульманский мир: оценка современной исламской правовой мысли. М.: Марджани, 2012.

12. Глава ЧР Р. Кадыров встретился с депутатами Парламента ЧР // Парламент Чеченской Республики: официальный сайт. URL: http://www.parlamentchr.ru/content/view/1372.

13. Кадыров Р.: В Чечне нет исламизации, жители республики чтут религиозные традиции // ИТАР-ТАСС. 2013. 23 августа.

14. Нужно изменить отношение к Северному Кавказу // Молодежная смена (Грозный). 2013. 19 июня.

15. Дробижева Л. М. Российская и этнорегиональная идентичности в Татарстане от 1990-ых ко второму десятилетию XXI века // Консолидирующие идентичности и модернизационный ресурс в Татарстане [Электронный ресурс]. М. : Институт социологии РАН, 2012.— 149 с 1 CD ROM, Официальный сайт Института социологии РАН, URL: http://www.isras.ru/inab_2012_06.html.

16. Леготин Э. В. Множественная идентичность в Башкортостане: этническое, региональное и общероссийское измерения // Социологический ответ на «национальный вопрос»: пример Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. М. : Институт социологии РАН, 2012.— 124 с 1 CD ROM, Официальный сайт Института социологии РАН, URL: http://www.isras.ru/inab_2012_05.html.

17. Дзуцев Х. В. Пути преодоления этносоциальных конфликтов в Северо-Кавказском федерального округа Российской Федерации. Изд. 2-е, перераб. и доп. Монография.: ИСПИ РАН, 201.

18. Дробижева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013.

19. Капеллер А. Субнационализм наций без государства // Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе : в 3 т. / [под общ. ред. Э. Яна]. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. С. 10–22.

20. Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the social. Composition of Patriotic Groups among the

Smaller European Nations. Cambridge: Cambridge. University Press, 2000 [1985]. P. 22–24.

21. Кара-Мурза С. Г. Государственная политика нациестроительства в современной России. Доклад // Государственная политика нациестроительства в современной России. Материалы научного семинара. Вып. 2 (40). М.: Научный эксперт, 2011. С. 5–29.

22. Грибанов В. В., Бабаян Л. В., Ткачев С. А. Некоторые аспекты национально-этнической идентичности в современной России // Идентичность и интеграция: опыт России и Германии (Юг России - Северный Кавказ). Сборник материалов межд. научно-практич. конф. 15–17 июня 2009 г. (г. Пятигорск). Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2009. С. 162–165.

23. Указ Президента Российской Федерации "О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года" от 19 декабря 2012 г. № 1666.

24. Мчедлова М. М. Национальный вопрос сегодня: ракурсы осмысления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 1. С. 100–107.

УДК 323

Денисенко И. Ф.

Качественные характеристики региональной политической элиты в контексте постсоветских трансформаций

В статье проводится сравнительно-политологический анализ качественных характеристик региональной политической элиты в процессе перехода от советской к постсоветской социально-политической системе.

Ключевые слова: политическая элита, политическая система, трансформация, борьба с коррупцией, нравственное воспитание, культурный уровень, региональные органы власти.

Современный этап жизни общества отличается обилием проблем, которые привлекают всеобщее внимание и широко обсуждаются. Но, пожалуй, особенно оживлённо обсуждается информация о представителях высшего эшелона государственной власти - политической элите, её деловых и морально-этических качествах. Поэтому, обоснование роли политической элиты в жизни общества приобретает сегодня особую актуальность.

Даже самые убеждённые эгалитаристы не могут отрицать того, что общество никогда не может быть монотонной массой унифицированных единиц. Оно всегда, так или иначе, структурировано по тем или иным основаниям и в нём всегда имеет место иерархия и субординация.